

Н. Цингерова

*Университет им. Я.А. Коменского, Братислава, Словакия
(E-mail: nina.cingerova@uniba.sk)*

Дискурс и дискурсы. К вопросу определения границ дискурса в рамках эмпирического анализа

В статье проанализированы разные подходы к определению границ дискурса. Автор статьи сосредоточивает свое внимание на решении данной методологической и теоретической проблемы в рамках критического дискурс-анализа и Эссекской школы дискурс-анализа. Опираясь на три измерения анализа (текст, дискурсивная практика, социальная практика), предлагаемые Н. Фэркло, рассмотрены три возможных способа выделения дискурса: на основании общей темы так называемых дискурс-фрагментов, особой области социальной практики и на основании дискурсивной практики, т.е. производства, распределения и потребления текстов. Анализ различных подходов к проблеме дискурса приводит автора к выводу о границах дискурса в рамках эмпирического анализа. Определение институциональных рамок, или же рамок коммуникативного события, связывается с актуальными по отношению к производителям и реципиентам дискурсами.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивные практики, недискурсивные практики, критический дискурс-анализ, Эссекская школа дискурса.

В работе Д. Врана и А. Лангер, посвященной методологическим проблемам дискурс-анализа, отмечается, что если бы дискурс-аналитики устроили викторину, она бы начиналась с вопроса: «Что такое недискурсивные практики?» [1]. Дело в том, что именно различие между дискурсивными и недискурсивными практиками, следовательно, вопрос определения границ дискурса, считается одним из самых обсуждаемых в рамках дискурсивно ориентированных исследований. В связи с этим в области дискурс-анализа и теории дискурса можно выделить как минимум два больших направления – критический дискурс-анализ и Эссекскую школу дискурса, которые предлагают два разных ответа на вопрос объяснительного потенциала дискурсивно ориентированного подхода и того, что можно и нужно анализировать как «дискурс» [2–4].

Теория видных представителей Эссекской школы дискурса Э. Лаклау и Ш. Муфф не постулирует разницу между дискурсивными и недискурсивными практиками. В их понимании дискурс представляет собой структурированную целостность, появившуюся в результате артикуляций – (любых) практик, устанавливающих отношения между элементами таким образом, что их идентичность претерпевает изменения [5; 105]. За исходную точку описания структурирования данной «целостности» Э. Лаклау и Ш. Муфф берут сосюрковский тезис, согласно которому «язык есть система знаков, которые определяются не позитивно, через их содержание, а негативно – через их отношение к другим членам системы» [6; 144, 145].

Данный тезис является основополагающим в теории дискурса Э. Лаклау и Ш. Муфф, но «поле», на котором сосредоточено их внимание, существенным образом отличается от того сравнительно стабильного целого, о котором рассуждает Ф. де Соссюр: оно находится в процессе постоянного становления, движения, подвергается изменениям, четкая фиксация идентичности знаков невозможна. Они всегда зафиксированы только временно и частично. В своего рода «резервуаре» [2; 27], в том, что Э. Лаклау и Ш. Муфф называют «областью дискурсивности» (field of discursivity/discursive) [5; 111], находятся все возможные идентичности знаков. Но в ходе «борьбы за смыслы» артикулируются лишь некоторые из них. Остальные продолжают оставаться составной частью «области дискурсивности» (field of discursivity) в качестве возможных, до сих пор исключенных значений, вырабатывают «избыток значения» (surplus of meaning) [5; 111] и, таким образом, становятся условием очередной возможной фиксации значений.

В представлении Э. Лаклау и Ш. Муфф данная структура (дискурс) все-таки оказывается (временно) закрыта, «иначе мы бы сталкивались с бесконечным рассеиванием, препятствующим сигнификации» [7; 37]. Подобно М. Фуко, предлагающему описывать рассеивания сами по себе вместо того, чтобы искать правило, на основании которого можно было бы рассуждать о границах формации дискурса [8; 34–44], Э. Лаклау и Ш. Муфф отказываются предполагать существование

какого-нибудь единого принципа (тема, область и т.д.), который в состоянии обеспечить единство формации и, следовательно, позволяет определить границы дискурса. Но если мы все-таки хотим рассуждать о границах дискурса и отказываемся предполагать некий основополагающий принцип, каким образом можно решить данную проблему? Э. Лаклау и Ш. Муфф попытались сделать это с помощью понятий «антагонизм» [5; 124–126, 7; 37] и «дислокация» [9-11; 124], с опорой на которые удалось двумя разными способами описать границы дискурса и теоретизировать вопрос другой, иной логики его структурирования. Дислокации представляют собой «эффект установления системы на основании логики различий», а антагонизмы, в свою очередь, являются «специфическими артикуляциями дислокаций», представляющими собой радикальную угрозу [12; 232–239]. С точки зрения практического анализа данное положение означает, что дискурс становится антагонистическим только в том случае, когда дислокации артикулированы антагонистическим способом. Следовательно, целью анализа является описание того, «как это происходит» (что за стратегии были применены? В какие отношения вступили отдельные элементы системы?). В связи с различием между антагонистическим и неантагонистическим дискурсами У. Штегели приводит пример юридического дискурса, который образован путем проведения границы между областью права и тем, что находится вне этой области, является внешним по отношению к ней. Как отмечает У. Штегели, в данном случае мы не обязательно сталкиваемся с антагонизмом. Или, например, в качестве области, структурированной по-другому, можно привести искусство [12; 226], то есть что-то, не представляющее угрозу, а лишь структурированное другим способом. В отношении артикуляции дислокации полезно сделать попутное замечание о возможностях, которые предлагает А. Греймас, рассуждая об анализе глубинного уровня наррации. Речь идет об уровне «абстрактного, или понятийного, синтаксиса, где вычленяются фундаментальные ценности, порождающие текст» [13; 32]. В целях визуализации Греймас представляет семиотический квадрат, схему элементарной структуры значения, «полезный инструмент для иллюстрации важнейших семантических или тематических оппозиций» [13; 32]. С опорой на данную схему можно рассуждать не только о позиции «они», но и о позиции «не мы».

Другое представление о дискурсе выдвигается представителями направления, известного под названием «Критический дискурс-анализ» (КДА). По Н. Фэркло, дискурс — это языковая деятельность (устная и письменная речь, визуальная коммуникация), имеющая место в определенной области общественной жизни (экономике, политике, науке, искусстве и т. д.). С точки зрения КДА существует взаимосвязь между языковыми и социальными практиками, и эта взаимосвязь носит диалектический характер. Дискурс — это феномен одновременно конституируемый и конституирующий [14; 62–91]. Итак, как выглядит отношение между дискурсом и другими дискурсами с точки зрения КДА? Как можно мыслить его границу? Тогда как Э. Лаклау рассуждает об антагонизме и дислокации в качестве понятий, позволяющих теоретизировать другую, иную логику структурирования дискурса, КДА предлагает решение, ориентированное, прежде всего, на практические исследования и идентификацию корпуса так называемых «дискурс-фрагментов».

Опираясь на три измерения анализа, предлагаемые Н. Фэркло (текст, дискурсивная практика, социальная практика), можно рассуждать как минимум о трех способах выделения дискурса. Первым является выделение дискурса на основании общей темы. В данном случае аналитик будет рассуждать о дискурсе о «х» и «у» [15; 89–90], например, о беженцах, исламе, России, Евросоюзе и т.д. Представитель Дуйсбургской школы КДА З. Егер пишет в связи с данным критерием определения корпуса исследуемых текстов о «дискурс-фрагментах», объединенных общей темой и создающих дискурсивное ответвление, буквально «дискурсивную цепь» (Diskursstrang) [16; 25–27].

Распространенный подход — определять дискурс на основании особой области социальной практики. Исходя из положений М. Халлидея, аналитик, определяя для себя корпус фрагментов, подвергаемых впоследствии анализу, руководствуется тем, с какой областью общественной жизни данный дискурс связан. Речь может идти, например, о дискурсе церковном, политическом или же научном.

Третьим способом определения границ дискурса является измерение дискурсивной практики, которая относится к вопросам производства, распределения и потребления текстов [14; 62–91] и является связующим звеном между измерениями текста и социальной практики. В данном случае речь может идти, например, о телевизионном дискурсе.

Данные способы выявления границ дискурса нельзя, конечно, абсолютизировать. Определение институциональных рамок, или же рамок коммуникативного события, актуальных по отношению к производителям и реципиентам дискурсов, является важным хотя бы по следующим причинам.

Во-первых, рассматриваются эксплицитные или имплицитные актуализации прецедентных феноменов, активно изучаемых в рамках лингвокультурологии, т.е. текстов, высказываний, событий, с которыми в определенном обществе связан определенный набор инвариантных представлений, коннотаций и ассоциаций, и, прежде всего, их реконтекстуализации, помещения в новые контексты.

Во-вторых, акцентируется внимание на интердискурсивности, гетерогенности текстов, конституируемых комбинациями разных жанров и дискурсов. Следует напомнить, что в рамках КДА «жанр» (в терминологии Фэркло) — это ратифицированный обществом способ использования языка, связанный с определенным типом общественной деятельности (проповедь, политическое выступление, собеседование и т.д.). Так, Фэркло на основании анализа переплетения дискурсов и жанров удалось отметить так называемую «маркетизацию» и «конверсационализацию» дискурса. В первом случае Фэркло ведет речь о процессе осмысления социальных институтов в терминах коммерческих моделей, а во втором — о переходе к менее формальному языку авторитетных институтов.

В-третьих, активизируются рассуждения о капитале (в терминологии П. Бурдьё), его конвертировании и правилах той сферы, в которой действуют производители и потребители данного дискурса.

И, наконец, в фокусе исследований оказывается вопрос том, как определенная сюжетная линия (например, иммигранты как угроза безопасности в дискурсе о миграционном кризисе) приобретает все более и более высокую степень авторитетности и перемещается между уровнями политического и юридического дискурсов.

Данная статья подготовлена в рамках проекта KEGA Vysokoškolská učebnica Kultúrne regióny Ruska v cestovnom ruchu s registracijným номером 052UK-4/2018 и в рамках проекта VEGA Jazyk a konflikt. Vytváranie obrazu nepriateľa v súčasnom verejnom diskurze s registracijným номером 1/0539/17.

Список литературы

- 1 Wrana D. An den Rändern der Diskurse. Jenseits der Unterscheidung von diskursiver und nicht-diskursiver Praktiken [Электронный ресурс] / D.Wrana, A. Langer // Forum Qualitative Sozialforschung. — 2007. — Vol. 8. — No. 2. — Режим доступа: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/253/557>.
- 2 Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л.Филлипс, М.Йоргенсен; пер. А.А. Киселевой. — Харьков: Гуманитарный центр, 2008. — 354 с.
- 3 Štefančík R. Jazyk a politika. Jazyk politiky v konfliktnej štruktúre spoločnosti / R. Štefančík, I. Dulebová. — Bratislava: Ekonóm, 2017. — 194 p.
- 4 Guzi Ľ. Historická symbolika v politickom diskurze postsovietskeho Ruska / Ľ. Guzi, R.Štefančík (ed.) // Jazyk a politika. Na pomedzí lingvistiky a politológie. — Bratislava: Ekonóm, 2016. — S. 135–150.
- 5 Laclau E. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. (Second Edition) / E. Laclau, Ch.Mouffe. — London; New York: Verso, 2001. — 197 s.
- 6 Saussure F. Kurs obecné lingvistiky. Vydal Ch. Bally a A. Sechehay za spolupráce A. Riedlingera / F. Saussure; Z francúzštiny preložil F.Čermák. — Praha: Academia, 1996. — 468 s.
- 7 Laclau E. Emancipation (s). (Second Edition) / E. Laclau. — London: New York: Verso, 2007. — 140 p.
- 8 Foucault M. Archaeology of Knowledge / M. Foucault; Trans. by A.M. Sheridan Smith. — London; New York: Routledge, 2002. — 275 s.
- 9 Laclau E. New Reflections on the Revolution of our Time / E. Laclau. — London; New York: Verso, 1990. — 280 s.
- 10 Stavrakakis Y. Laclau with Lacan / Y. Stavrakakis; S. Žižek (Eds.) // Jacques Lacan. Critical Evaluations in Cultural Theory. — London, New York: Routledge, 2003. — P. 314–338.
- 11 Casula P. Dislokation / P. Casula; D.Wrana, A.Ziem, et al. (Eds.) // Diskurs Netz. Wörterbuch der interdisziplinären Diskursforschung. — Berlin: Suhrkamp Verlag Berlin, 2014. — C. 124.
- 12 Stäheli U. Competing figures of the limit: dispersion, transgression, antagonism, and indifference / U. Stäheli; S.Critchley, O.Marchart (Eds.) // Laclau: A Critical Reader. — London; New York: Routledge, 2004. — P. 226–241.
- 13 Бронуэн М. Словарь семиотики / М. Бронуэн, Ф. Рингхэм; пер. с англ. Д.В. Сичинава. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 256 с.
- 14 Fairclough N. Discourse and Social Change / N. Fairclough. — Cambridge; Oxford; Malden: Polity Press, 1993. — 272 с.

15 Reisigl M. The Discourse-Historical Approach / M. Reisigl, R. Wodak; R. Wodak, M. Meyer (Eds.) // *Methods of Critical Discourse Analysis*. Second Edition. — Los Angeles; London; New Delhi; Singapore; Washington DC: Sage Publications, 2010. — P. 87–122.

16 Jäger S. Deutungskämpfe. Theorie und Praxis Kritischer Diskursanalyse / S. Jäger, M. Jäger. — Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. — 320 p.

Н. Цингерова

Дискурс және дискурстар. Эмпирикалық талдау шеңберінде дискурстың шекараларын анықтау туралы

Мақалада дискурстардың шекараларын анықтауға арналған түрлі тәсілдер талданды. Бұл әдіснамалық және теориялық сұрақтарды сыни дискурс-талдау және Эссекс дискурс-талдау мектебі аясында шешуге назар аударылған. Н. Фэркло ұсынған талдаудың үш өлшеміне (мәтін, дискурстық тәжірибе, әлеуметтік тәжірибе) негізделген, дискурс таңдаудың үш ықтимал әдісін қарастырамыз: ортақ тақырып негізінде диалогты таңдау, дискурс-фрагменттері, әлеуметтік тәжірибенің арнайы саласы негізінде дискурстың бөлінуі және дискурстық практиканың негізінде дискурстың бөлінуі, яғни мәтіндерді шығару, тарату және тұтыну. Қорытынды ретінде біз дискурс шекараларының мәселесіне қатысты қабылданған тәсілдің осы жолынан туындайтын әдістемелік артықшылықтарды ұсынамыз.

Кілт сөздер: дискурс, дискурс тәжірибесі, дискурс емес тәжірибе, критикалық дискурс-талдау, Эссекс дискурс-талдау мектебі.

N. Cingerova

Discourse and discourses. Regarding the discourse limits question in empirical research

The article analyzes different approaches to discourse limits question. Attention is paid on solving this methodological and theoretical problem within the framework of critical discourse analysis and the Essex school of discourse analysis. Based on the three dimensions of analysis proposed by N. Fairclough (text, discourse practice, social practice), we focus on three possible ways of isolating discourse: the allocation of discourse on the basis of common topic of so called discourse fragments, allocation of discourse on the basis of special area of social practice and allocation of discourse on the basis of discourse practice, that is, the production, distribution and consumption of texts. At the end of the article, we present the methodological benefits arising from this approach to the question of the boundaries of discourse. The analysis of different approaches to the problem of discourse leads the author to the conclusion about the boundaries of discourse within the framework of empirical analysis. The definition of the institutional framework or framework of a communication event is associated with discourses relevant to producers and recipients.

Keywords: discourse, discourse practice, non-discourse practice, critical discourse analysis, Essex school of discourse analysis.

References

- 1 Wrana, D., & Langer, A. (2007). An den Rändern der Diskurse. Jenseits der Unterscheidung von diskursiver und nicht-diskursiver Praktiken [On the Edge of Discourse. Beyond the Differentiation of Discursive and Non-discursive Practices]. *Forum Qualitative Sozialforschung*, Vol. 8, No. 2. Retrived from: URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/253/557> [in German].
- 2 Phillips, L., & Jorgensen, M. (2008). *Diskurs-analiz. Teoriia i metod [Discourse analysis. Theory and Method]*. (A.A. Kiseleva, Trans.). Kharkov: Humanitarnyi tsentr [in Russian].
- 3 Štefánčík, R., & Dulebová, I. (2017). *Jazyk a politika. Jazyk politiky v konfliktnej strukture spolnosti [Language of the Politics. Language of the Politics in the Society conflict structure]*. Bratislava: Ekonóm [in Slovak].
- 4 Guzi, L. (2016). Historická symbolika v politickom diskurze postsovietskeho Ruska [Historical symbolic in political discourse of Post-soviet Russia]. *Jazyk a politika. Na pomedzi lingvistiky a politológie – Language and politics. In the relationship of linguistics and political science*, 135–150. R. Štefánčík (Ed.). Bratislava: Ekonóm [in Slovak].
- 5 Laclau, E., & Mouffe, Ch. (2001). *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. (Second Edition)*. London, New York: Verso.
- 6 Saussure, F. (1996). *Kurs obecné lingvistiky [Course in General Linguistics]*. (F. Čermák, Trans). Vydal Ch. Bally a A. Sechehay za spolupráce A. Riedlingera. Praha: Academia [in Czech].
- 7 Laclau, E. (2007). *Emancipation(s)*. (Second Edition). London; New York: Verso.

- 8 Foucault, M. (2002). *Archaeology of Knowledge* (A.M. Sheridan Smith Transl.). London; New York: Routledge.
- 9 Laclau, E. (1990). *New Reflections on the Revolution of our Time*. London; New York: Verso.
- 10 Stavrakakis, Y. (2003). Laclau with Lacan. Jaques Lacan. *Critical Evaluations in Cultural Theory*. S. Žižek (Ed.). London, New York: Routledge.
- 11 Casula, P. (2014). Dislokation. Diskurs Netz. Wörterbuch der interdisziplinären Diskurs forschung [Dislocation. Discourse Network. Dictionary of interdisciplinary discourse research]. D.Wrana, A.Ziem & et al (Eds.). Berlin: Suhrkamp Verlag Berlin [in German].
- 12 Stäheli, U. (2004). Competing figures of the limit: dispersion, transgression, antagonism, and indifference. Laclau: A Critical Reader. U. Stäheli; S.Critchley, O.Marchart (Eds.). London; New York: Routledge.
- 13 Bronwen, M., & Ringham, F. (2010). *Slovar semiotiki [Dictionary of Semiotics]*. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM» [in Russian].
- 14 Fairclough, N. (1993). *Discourse and Social Change*. Cambridge; Oxford; Malden: Polity Press.
- 15 Reisigl, M., & Wodak, R. (2010). *The Discourse-Historical Approach. Methods of Critical Discourse Analysis*. Second Edition, R.Wodak, M.Meyer (Eds.). Los Angeles; London; New Delphi; Singapore; Washington DC: Sage Publications.
- 16 Jäger, S., & Jäger, M. (2007). *Deutungskämpfe. Theorie und Praxis Kritischer Diskursanalyse [Fighting About Meaning. Theory and Practice of Critical Discourse Analysis]*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften [in German].